

АГЕНТ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ГРУ

Этот сериал подтверждает достоверность фотографий и личной подписи
СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ
ГЛАВНОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ВОЕННЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Александр
ШУВАЛОВ

Александр Шувалов
Самый опасный человек
Серия «Агент ГРУ. Триллер,
написанный военным разведчиком»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43419300
Самый опасный человек: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-104576-0

Аннотация

Роман о политических войнах и их тайных участниках – агентах ГРУ и западных спецслужб. Уникальная возможность познакомиться с секретными механизмами сложной работы разведчика.

У Николая Большакова богатый послужной список: операции в Европе, ЮАР, Афганистане и других странах. Ценный разведчик, редкий профессионал. Но на этот раз ему не повезло. Николая выдал перебежчик, и разведчика задержали прямо в аэропорту. А дальше – уговоры, запугивание и предложение работать на разведку чужой страны. Но Большакова голыми руками не возьмешь. Что ж, ему дают время подумать... в подвале тайной тюрьмы. На счастье, соседом Николая по камере оказался его старый знакомый, с которым ему не раз приходилось пересекаться

в разных точках земного шара. Вербовщики и не подозревают, что сами же запустили страшный механизм ответного удара...

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Часть вторая. Встреча первая	22
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	32
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	55
Глава тринадцатая	59
Глава четырнадцатая	63
Глава пятнадцатая	68
Глава шестнадцатая	73
Глава семнадцатая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Шувалов

Самый опасный человек

© Шувалов А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Уходящему поколению бойцов посвящается

Часть первая

Глава первая

Дряхлый «Боинг», натужно, по-старчески кряхтя и кашля, стартовал из аэропорта столицы одной из бывших союзных республик, а ныне независимого и до упора суверенного государства Средней Азии и взял курс на Москву. Пассажир места 17 А как следует глотнул прямо из горлышка приобретенного в «Дьюти фри» шотландского вискаря. Заел эту односолодовую прелесть крохотной шоколадкой крайне сомнительного швейцарского происхождения. И замер в надежде.

Совершенно напрасной, как тут же и выяснилось. Охвативший его еще у стойки регистрации липкий страх и не думал растворяться в спиртном, хотя «принимать на грудь» он начал еще до посадки. Напротив, сволочь такая, усилился и обострился. Сердце то подпрыгивало вверх, аж к горлу, то норовило рухнуть в самый низ живота. Вытирая превратившимся в мокрую тряпку платком холодный пот с лица, он напряженно вслушивался в гул моторов и скрип корпуса. С ужасом ожидая, что либо прямо сейчас, либо несколькими минутами позже вдруг выйдут из строя сразу все движки или просто отвалятся крылья.

Бросил короткий взгляд на соседа через проход и тут же искренне того возненавидел. Мирно дремавший или просто сидевший с закрытыми глазами лысоватый плечистый мужчина достаточно почтенного возраста из тех, кого просто не поворачивается язык назвать стариком, волнениями и страхами явно не маялся. И вообще был на вид в полном порядке.

Впрочем, не все так однозначно, как неоднократно утверждал в своем блоге один щирый украинский свидомит, упорно всех убеждающий в том, что он – дочь офицера.

Пассажира, о котором зашла речь, действительно не боялся. Никого и ничего, причем уже очень давно. А вот его, наоборот, боялись многие, порой до нервной икоты. И очень правильно делали.

Дела его, кстати, на тот момент обстояли не так чтобы очень здорово. Скорее, мутно и непонятно. То есть повод для брэнчания нервами присутствовал. Вот только делать это заранее никакого смысла не было. Вот он и не нервничал.

По громкой трансляции искаженный помехами голос объявил о том, что самолет по каким-то невнятно озвученным причинам в самое ближайшее время совершит посадку. Причем не в Шереметьево и вообще не в России, а в аэропорту еще одного независимого государства Средней Азии. Кстати, тоже бывшей союзной республики.

– Нет. – Пожилой мужчина, о котором только что шла речь, открыл глаза. – Не дергайся.

Средних лет персонаж в летнем светлом костюме на секунду замер, пытаясь проглотить незаданный вопрос. Потом кивнул.

– Ясно. А?..

– А ему скажи, чтобы действовал по обстановке. Я сам с ним потом свяжусь. По второму резервному номеру.

– Понятно. – Тот встал из кресла и двинулся по проходу в сторону хвоста лайнера.

Пассажир сказал это, тут же закрыл глаза и, не поверите, не задремал, а просто отключился. И проспал сном младенца до самой посадки.

В зале ожидания к нему, как и предполагалось, подошли. Трое в форме местной полиции и один в штатском. Явно в этой группе – старший. По виду – этнический немец. Их много было в свое время в Средней Азии. И далеко не все возвратились на историческую родину, когда ворота распахнулись.

– Господин Куклин?

– Точно, – не стал отпираться тот.

– Позвольте ваш паспорт.

– Бога ради.

– На каком слогe стоит делать ударение в вашей фамилии, Петр Николаевич? – полюбопытствовал старший, листая документ.

– На каком пожелаете, вы же здесь начальник.

– Смешно, – признал тот, пряча паспорт во внутренний

карман пиджака. – Вам придется пройти с нами.

– А что случилось? – изобразил легкое волнение пассажир.

– Просто небольшая формальность, – на голубом глазу со-
врал персонаж в штатском. – Мы вас надолго не задержим.

– Что ж, – вздохнул тот. – Пройдем, если так надо.

Расположившийся буквально в нескольких шагах спиной к ним за стойкой бара пузатый здоровяк эту комедию наблюдать не должен был. Но наблюдал, в зеркале, что над барной стойкой. Еле слышно выматерился, допил, не торопясь, кофе, расплатился и направился напрямиком в туалет. А оттуда – еще куда-то. И напрасно некоторое время спустя диктор аэропорта на трех языках – государственном, неплохом английском и отвратительном русском – зывал к пассажиру по фамилии Николишин с просьбой поиметь честь вместе с совестью и прибыть-таки на посадку. Пропал куда-то вышеупомянутый пассажир, как в арык нырнул.

Глава вторая

Эскорт, или все-таки конвой, успешно доставил как бы временно задержанного к служебному помещению без таблички на двери. Прогуливавшийся по коридору высокий, спортивно-молодцеватого вида шатен цепко ухватил подошедшего под локоток, сдавив тому при этом руку чуть сильнее, нежели требовалось.

– Прошу вас, – и растворил перед ним дверь.

– Добрый вечер, уважаемый Петр Николаевич, – оскалился в белозубой улыбке восседавший за столом блондинистый здоровяк. – Искренне рады, что нашли время встретиться.

По-русски он говорил абсолютно правильно, даже в интонации не подвирал. Но все равно как-то уж больно бесцветно, так что знающий человек сразу понял бы, что это не его родной язык.

– А я-то уж как рад, – хмыкнул пассажир и без приглашения присел к столу.

Минуту-другую двое, один во главе стола, второй в кресле в углу, с интересом рассматривали вошедшего. А он, в свою очередь, – их. Хотя и без особого интереса.

С хлопцами все было яснее ясного: USA, CIA. Кто же еще может так непринужденно влезать, куда не особо приглашают, и с непосредственностью малого дитя играть в свои игры. Ох, доиграются когда-нибудь.

– А не испить ли нам кофейку? – предложил персонаж в кресле.

И выразительно глянул на коллегу. Тот все понял правильно: встал, вышел и плотно затворил за собой дверь. Кофе потом, кстати, так и не принес.

– Однако к делу, – поднялся из кресла и пересел за стол. – Ваш самолет вылетает через... – бросил взгляд на висевшие на стене часы. Чуть слышно чертыхнулся – те стояли. Посмотрел на свой хронометр: – Через сорок семь минут. Время дорого.

– Насколько дорого? – поинтересовался пассажир.

– Вопрос по существу, браво, – вяло изобразил восторг сидевший напротив тусклого вида мужичок: редкие волосенки, светлые, опять же редкие ресницы, серая пористая кожа лица. И мощный, напоминающий пеликаний клюв нос. – Очень, очень дорого, причем для вас – персонально.

Вот его-то русский язык явно был впитан вместе с материнским молоком. Причем где-то в районе русского Нечерноземья.

Пассажир никак на этот интересный пассаж не отреагировал, и в воздухе повисла тишина. Сидящий во главе стола ожидал, когда же его собеседник проявит хоть какой-то интерес к разговору: поинтересуется, с кем имеет сомнительную честь общаться, выразит протест, упомянет о последствиях, в конце-то концов.

А тот сидел себе, глядя куда-то в угол, и ни гу-гу. То ли

думу какую-то важную думал, то ли просто дремал с открытыми глазами.

– Для начала предлагаю познакомиться, – первым прервал паузу носатый джентльмен. – Ваше настоящее имя мне хорошо знакомо, а меня зовут Михаил. Можно без отчества.

– Привет, Михаил, – разверз наконец уста пассажир. – Как сам?

– Прекрасно, спасибо, – кивнул тот. – Буду краток, ПЕТР, – хмыкнул, – Николаевич. Скоро ваш самолет покинет аэропорт, полагаю, вы бы очень хотели оказаться на его борту. Мы хотим ровно того же.

– Замечательно. – Пассажир сделал вид, что искренне рад. – Ну, я пошел тогда?

– Конечно же, только сначала вам придется ответить на несколько вопросов и...

– И? – проговорил поощрительно пассажир. На самом деле – с легкой, почти неуловимой издевкой. Потому что чувствовал, к чему идет дело.

– И подписать один, ни к чему особо не обязывающий вас документ. – Сидевший напротив тоже был не лыком шит. И не дурак в свою очередь тоже слегка поиздеваться над собеседником.

– Под названием «обязаловка»¹, – продолжил мысль пассажир. – Залог нашей будущей крепкой дружбы. Интересно, а псевдоним вы мне уже подобрали? Грубо работаете, дру-

¹ Обязаловка (*жарг.*) – обязательство о добровольном сотрудничестве.

жище.

Многое в его жизни случилось. И убить не раз хотели, и пытались, и вербовать тоже пробовали. Но не так же, черт подери, в лоб и наивно. Хотя... Хотя и такое случилось.

– Может, и грубо, – прозвучало в ответ. – Только куда вы, на хрен, денетесь? Если прямо сейчас не придем к согласию, имею полномочия доставить вас в одно тихое место для продолжения работы. Там-то вас и выпотрошат, как селедку к водочке. А потом со всеми возможными извинениями отпустят. Может быть. И все, конец карьере. Нам бы очень этого не хотелось. Вам, надеюсь, тоже?

Человек по имени Петр ибн Николаевич только усмехнулся в ответ.

– Ваш выбор. Только давайте уж без ненужных телодвижений. Вы, говорят, мужчина резкий.

– А... – махнул рукой тот, – когда это было.

– Вот и отлично. Тогда пройдемте, нам пора в путь.

Пассажир встал и двинулся на выход. «Ну, Юлик, ну, жу-чара!»

– Простите, что вы сказали?

– Просто ворчу по-стариковски. Не обращайтесь внимания.

Глава третья

На заднем сиденье большущего, как автобус, внедорожника справа и слева от него устроились двое крупных молодых людей, преисполненных ответственности и ко всему сразу готовых. Вдруг, например, задержанный, разнервничавшись, начнет размахивать руками и сучить ногами или попытается выскочить на ходу. А то и примется звать на помощь.

Всего этого удовольствия служивым тот не доставил. Человек по фамилии как бы Куклин устроился поудобнее, сложил руки на груди, при закрыл глаза и затих. То ли в очередной раз задремал, то ли впал в ступор от всего происходящего. А может, просто задумался. Занятие, говорят, полезное.

Как же он отбрыкивался от этой командировки! Руками и ногами буквально.

– Ну, почему вы так боитесь? – раздраженно выговаривал ему посланец из-за «стены», молодой и крайне деловитый чей-то помощник или даже заместитель. – Смелее надо быть.

Ключевое слово – молодой. Был бы хлопец чуть постарше и самую малость более информированным, может, и уяснил бы, что сидящего перед ним человека при желании можно было обвинить в чем угодно, только не в трусости. Да и не боялся он, просто не верил. Впрочем, по порядку.

Некто Юлий Клементьевич Бондаренко как-то вдруг спустя четырнадцать лет после спешного, больше похожего на

бегство отъезда взял в одночасье, да и заскучал по оставленной им отчизне и вознамерился возвратиться на ее бескрайние просторы. К русским березкам, скверным дорогам, некачественной водке и такому родному, в три этажа, мату по поводу и без.

Вышел на кое-кого из власти предержавшей и аккуратно озвучил свое желание. Настоятельно при этом попросив, в смысле, потребовав, о встрече на нейтральной территории по своему выбору для обсуждения условий этого самого возвращения. И сообщил, с кем конкретно желал бы беседовать. Дескать, только ему одному и доверяю, потому что долгое время служили бок о бок. Родине. В Главном разведывательном управлении.

Действительно, Бондаренко почти двадцать лет отходил под погонами в этой почтенной организации. А в середине девяностых снял их и принялся работать на тех, кто реально платил. Начинал с «солнцевской группировки предпринимателей», потом некоторое время сотрудничал с гостями столицы со знойного Кавказа. Вершиной его карьеры стала работа с группой близких к Семье бизнесменов. Их потом стали называть олигархами. Трудился Юлий Клементьевич, судя по всему, успешно, потому что и сам выбился в олигархи. Правда, категории light.

В начале нулевых вместе со всеми ними равноудалился из ограбленной и обесчещенной отчизны. Только не в Англию, а в Шотландию. И зажил там в свое полное удовольствие, за-

пивая тамошним элитным пойлом скучный местный хаггис и щемящую тоску по Родине.

Тоже мне, скажете, бином Паркинсона. Ну, уехал, ну, вернулся. В Лефортово напрямиком, если срок давности за содеянное не вышел. Делов-то.

Ан, нет. По слухам, всю свою работу на «группу товарищей» Бондаренко, по старой конторской привычке, грамотно фиксировал. Как учили. И возвращаться собрался именно со всеми наработанными материалами. Не потерявшими актуальности и по сей день. В обмен на полный и всесторонний иммунитет, разумеется.

– Чушь, – хмыкнул бывший сослуживец, когда его вызвали кое-куда наверх. Типа, просто посоветоваться. – Полная чушь и бездарная «деза». Нет у Бондаренко никакой «компры» и никогда не было.

– Это еще почему? – взвился некто, облеченный властью.

– Да потому, что он кто угодно, только не полный идиот, – терпеливо, как ребенку, принялся разъяснять тот. – Наличие компрометирующих материалов, тем более такой серьезности, – кратчайший путь на кладбище.

– Вы не понимаете... – и он сразу все понял.

Какой смысл что-то втолковывать человеку, у которого глазки горят, как фонари вечером на Тверской? От перспективы грамотно, с полной доказухой отодвинуть от державного тела конкурентов. И заодно подчистить некоторые неприятные факты из собственного героического прошлого.

В общем, все обставили на редкость умно. Направили его представлять государство на переговоры в одну из стран Средней Азии УСТНЫМ распоряжением, хотя и с самого, можно сказать, верха. Как частное лицо и с паспортом на чужую фамилию. Типа, для конспирации.

Предчувствие его не обмануло. Юлик старому сослуживцу был как бы по-детски рад. Накрыл по случаю встречи шикарную поляну. А потом начались собственно переговоры. Старинный знакомец был искренен, убедителен и логичен. Мысли излагал умно и грамотно. Вот только вел себя при этом... Он ведь долгие годы только числился оперативником, а на деле был информатором и разработчиком. Очень даже неплохим, кстати. За такого троих оперов дают не торгуясь. А вот врать грамотно так и не научился. Полагал, что если при разговоре не прятать глазки, не потеть, не краснеть и не почесываться, то собеседник ничего такого не заподозрит. Простая душа...

Поговорили, в общем. Потом выпили по последней и расстались вполне по-дружески. С этого самого момента и стал фальшивый Куклин ожидать какой-нибудь подянки. Сейчас, получается, дождался.

Машина остановилась у ворот двухэтажного особнячка. Достаточно скромного, к слову. Таких в той же подмосковной Баковке – штук тринадцать на дюжину. Ворота с легким скрипом распахнулись.

Глава четвертая

– Ну, что, надумали?

– Вы о чем, Михаил? – удивился бывший пассажир, а ныне – пленник.

– О моем предложении. Решайтесь уже.

– Уж больно вы суетитесь, дружище. И торопитесь.

– А вы – нет?

– А мне-то куда? Мой самолет уже в воздухе, – грустно заметил как бы Куклин.

– Все не так безнадежно, – молниеносно среагировал старательно набивавшийся в кунаки хлопец из ЦРУ. – Я взял на себя смелость немного задержать вылет. По метеоусловиям, естественно. Ну, решайтесь. И не надо, дружище, бояться. Все будет просто отлично.

Поднял глаза на собеседника. Лицо того выражало вселенскую грусть. И некоторую гадливость.

Что такое, граждане, вербовка? Это принуждение к сотрудничеству. Добровольному или не вполне. Поединок характеров и интеллектов, сложный, как разыгрываемая международными гроссмейстерами шахматная партия, и острый, как схватка фехтовальщиков. По мнению экспертов, естественно, создателей многочисленных засекреченных разработок. А также авторов дешевых книжек в мягких обложках.

На деле все гораздо незамысловатей и в то же время эффективней. Во-первых, многие кандидаты и сами глубоко озабочены проблемой, как бы, к кому бы и за сколько завербоваться. И, во-вторых, многие против собственной воли идут на сотрудничество, если их грамотно к нему подводят. Создают условия невозможности отказа. А потом делают, как сказано в инструкции, «предложение в открытой форме». Хотя кое-кто все равно посылает вербовщика в пешее путешествие по известному адресу. Это уже в-третьих.

Таки образом, процесс вербовки премьер-министра или просто министра за компанию с членом парламента лощеными элитарными сотрудниками спецслужб не намного отличается от аналогичных действий похмельного участкового, склоняющего к стуку приклатненного алкаша. Или находящегося под «условкой» распальцованного «баклана». Разница только в костюмах, интерьерах и размерах гонораров, конечно же.

И совсем уж примитивным, буквально как мычание буренки на лугу, этот процесс сделался после окончания «холодной войны». Спецслужбы страны-победительницы очень быстро привыкли всегда и везде вести себя, как войско, ворвавшееся во взятый на шпагу и отданный на разграбление город. То есть, выражаясь фигурально, норовили трахнуть всех и каждого, даже не озаботясь предварительными ласками. И искренне, как-то по-детски обижались, если не шел процесс.

– Отвянь, Мишико, – молвил задержанный. – Надоел уже.

– Ладно. – Незадачливый вербовщик согнал с лица улыбку. – В таком случае вам придется на некоторое время у нас задержаться. Скоро здесь будет один человек, ваш старинный знакомый. Вот тогда и поговорим.

– Как скажешь, – кивнул бывший пассажир.

– Вот именно. – Носатый из принципа оставил за собой последнее слово.

Камеры предварительного заключения в архитектурном плане здания явно не предусматривалось. Именно поэтому ее и не было. Задержанного отконвоировали в подземный гараж, завели в комнату без окон, что-то вроде подсобки, и заперли.

Он остановился у входа и принялся с интересом изучать обстановку. Небольшое, где-то три на четыре метра помещение. Ни стульев, ни тебе дивана. Тусклая лампочка под потолком. Батарея у стены. И прикованный к ней наручником, сидящий на полу пожилой азиат, мелкий и щуплый.

– Добрый вечер. – Азиат глянул на вошедшего, и глаза его на секунду сделались от удивления идеально круглыми. – Вот это да! – Его английский был безупречен. – Глазам своим не верю.

– Та же история, – отозвался, кивнув, вошедший. На том же самом языке, но чуть менее изысканном. – Расскажи кому, просто засмеют. Самый опасный человек в Азии, и не только там, – присел на пол рядом, – лучший боевой опера-

тивник китайской разведки сидит у каких-то упырей в гараже, да еще и в наручниках.

– А рядом, – подхватил китаец, – тот самый Большаков, так вас до сих пор называют в конторе? Живая легенда ГРУ.

И дружно, чуть слышно расхохотались.

– Да уж, – продолжил, отсмеявшись, китаец. – Встреча – так встреча. Какая, интересно, по счету?

– Минуточку... – Большаков почесал затылок и принялся загибать пальцы. – Если считать ту, в Афганистане, что почти состоялась, уже пятая. Обалдеть можно.

– Это точно.

Часть вторая. Встреча первая

Глава пятая

Середина семидесятых прошлого века. Где-то на юго-западе Африки. Около двадцати двух часов по местному времени.

Ночь, тишина, ароматы экзотических растений вперемешку с вонью явно животного происхождения. Поездка по тамошним местам, да еще в это время суток, да по проблемному с недавних пор району, – дело глубоко интимное, не терпящее суеты и лишнего шума. Зато настоятельно требующее полного внимания и готовности сразу и ко всему. Именно поэтому капитана, едва тот начал травить во весь голос анекдоты и сам же над ними на весь континент ржать, вежливо, но решительно попросили заткнуться.

Что тот и сделал. Но слегка обиделся, потому что был мало того что самым старшим по званию среди пассажиров старенького «козелка», шестьдесят девятого «ГАЗа» без тента и дверок, но и сотрудником особого отдела, портить отношения с которыми в доблестной Советской армии было как-то не принято.

Так и ехали, молча и внимательно, пока где-то минут через сорок весельчак-особист не принялся ерзать. Наконец не

выдержал. Протянул длиннущую, как доклад на отчетно-выборном партийном собрании, руку и хлопнул водителя по плечу.

– Ну-ка, остановись!

Сидящий за рулем Никитин на приказ старшего по воинскому званию отреагировал совершенно правильно, то есть никак. Как ехал, так и продолжил, лихо объезжая крупные выбоины и на ходу проскакивая мелкие. Прапорщик отслужил в спецназе ГРУ около десятка лет и давно усвоил простую истину: сколько бы ни вертелось вокруг и рядом с особо ценными указаниями разного рода начальников, исполнять следует только приказы, отдаваемые собственным командиром. А старший лейтенант Большаков, находился в тот момент на переднем сиденье от него справа и молча вглядывался в темноту.

– Мужики, ну поимейте же совесть! – взмолился, не выдержав, особист. – Сил уже никаких нет терпеть!

– Остановись, – негромко скомандовал старший лейтенант.

– Сейчас. – Никитин миновал здоровенную, как после бомбежки, ямищу и прижался к обочине. – Извольте.

– Вот спасибо-то, – обрадовался капитан.

– Только недолго, – предупредил, зябко поведя плечом, Большаков.

Не потому совсем, что по ночам в Африке вопреки сразу всем расхожим мнениям вовсе не жарко. Просто вдруг сде-

лалось тревожно.

– Понял, – кивнул особист. – Даже соскучиться не успеете.

Почесал подмышку, и вдруг в руке у него оказался небольшой компактный пистолет. С длинным глушителем. Два негромких, как будто пчелка чихнула, выстрела слились в один. Не успел упасть на руль с простреленным черепом Никитин, как Большаков стремительно выбросил тело наружу. Приземление, толчок двумя ногами и рыбкой – в придорожные кусты. А там уже...

Ничего этого не произошло, потому что вдруг выключился свет и куда-то пропал звук. Хирургически точный, выверенный удар срубил его в полете.

Капитан выбросил из машины оба тела. Сопя от натуги, оттащил их в придорожные кусты. После чего извлек из одного из многочисленных карманов камуфляжных брюк моток тонкой капроновой веревки. Со знанием дела зафиксировал валявшегося в отключке старлея. Забросил того, как ветошь, на заднее сиденье, присел за руль и завел мотор.

Большаков пришел в себя за некоторое время до того, как его извлекли из машины и поволокли куда-то. Потом вылили на голову ведро воды и принялись хлестать по щекам. Просто не видел смысла раньше времени оживать. Чтобы снова не отключили.

– Ммм... – раскрыл глаза, поднял голову и застонал от боли в черепушке, куда пришелся удар, и рези в глазах, куда ударил свет.

Попробовал было поднять руку, чтобы дотронуться до пульсирующей от боли головы, но не смог. Спеленут был на совесть.

– Эй! – Кто-то довольно чувствительно пнул его под ребра. – Просыпайся, красавчик!

Знакомый, однако, голос и лицо, над ним склонившееся: Юра, капитан Поздняков, оперативный уполномоченный особого отдела.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной, Коля?

Глава шестая

Там же, где-то двадцатью часами раньше.

Ночь была просто прелестна. На чистом, без единого облачка небе сияла в обрамлении звезд полная луна. Прохлада и полное безветрие. Тишь, можно сказать, гладь да божья благодать. И светло как днем почти что, хочешь, повышай культурку, в смысле, читай и конспектируй передовицу из «Правды», хочешь с барышней по окрестностям прогуливайся без риска наступить в темноте на что-нибудь ядовито-острое или вступить во что-то дурно пахнущее. Или вообще с ней же голышом купайся, благо озеро – вот оно, прямо здесь. Тихое и гладкое, как подкопченное стекло.

Подошедших на двух маломерных, бесшумно двигавшихся плавсредствах мили на полторы к берегу вся эта пастораль совершенно не радовала. Облаченные в черные «мокрые» водолазные костюмы, шестеро предпочли, чтобы шел дождь и задувал ветер. А ночное светило и прочие планеты были надежно спрятаны за тучами.

Дело в том, что все они, три боевые «двойки», выдвигались на тот берег работать согласно полученному образованию, в смысле, по специальности. Погрузившись без всплесков в темную, в россыпи отраженных светил воду, по-быстрому сориентировались и двинулись в сторону небольшой лагуны на том берегу, единственному месту, где был возмо-

жен нормальный выход на сушу. Их путь не сопровождался пузырьками воздуха, потому что эти путники в ночи использовали не обычные акваланги, а подводные аппараты замкнутого цикла, аналогичные советским ИДА-71².

Небольшая лагуна на том берегу – симпатичное такое место посреди густо заросших тропической зеленью скал. Каменистое, без малейшего намека на ил дно и пологий выход к пляжу. Мечта туриста, короче. И еще: никаких тебе сюрпризов типа вырытых в грунт противопехоток, растяжек и даже скрытно оборудованных постов с пулеметами. Они точно это знали: понаблюдали как следует за объектом последние четыре дня и внимательно выслушали кое-кого, владеющего обстановкой.

Охраной здесь руководил, как видно, обычный пехотинец, исполнявший от А до Я наставление по работе с сухопутными объектами. Поэтому лес и кусты в радиусе ста пятидесяти метров от лагеря были вырублены, даже трава выкошена. А вот о том, что гости нежданные и незваные могут заглянуть на огонек со стороны воды, никто как-то не подумал. Отдельное за это спасибо.

Эти русские вообще воспринимали наличие озера поблизости исключительно как подарок судьбы: свободные от дежурства воины ловили рыбку, плескались на мелководье, загораლი на бережку, играли в волейбол, даже выпивали, спря-

² ИДА-71 – индивидуальный дыхательный аппарат 1971 года выпуска. По мнению специалистов, до сих пор остается одним из лучших.

тавшись от бдительных взглядов отцов-командиров. А как смеркалось, расходились по постам: в усиление по периметру и в выдвинутые вперед дозоры. Спиной, получается, к реальной опасности.

Боевых пловцов было в разы меньше, чем охраняющих объект. Но дел они, уж поверьте, могли натворить о-го-го сколько. Что, собственно, сделать и собирались.

Двигавшийся в авангарде всплыл на поверхность и внимательно осмотрелся. Полный порядок: вход в лагуну вот он, рукой подать. И никакого движения на берегу, ни огонька. Вояки, видно, спят и видят приятные сны. А те, кто бодрствует, бдительно несут службу в ожидании возможного нападения оттуда, где его не будет. Этой ночью, по крайней мере.

Он снова погрузился, подработал ногами и... и угодил в перегораживающую вход в бухточку сеть. Однако.

Запутавшийся в сети самостоятельно выбираться даже не пытался. Опытный был мужчина. Просто просигналил фонариком, и к нему тут же подплыли с двух сторон двое. И принялись осторожно кромсать ножами толстые капроновые нити. Или очень тонкие капроновые веревки.

Когда закрепленный на поплавке колокольчик зазвенел в первый раз, расположившийся в зарослях солдат-срочник встрепенулся, повернулся к валявшемуся рядом, по виду – дрыхнувшему, Никитину. Набрал полную грудь воздуха, открыл рот.

– Тр... – и тут же смолк. Рот его оказался плотно запечатан широкой ладонью прапорщика.

– Спокойно, воин, – чуть слышно проговорил тот. – Пока ни хрена не вижу, но все слышу. Понял?

Тот закивал головой и что-то такое утвердительное промычал, дескать, вот теперь все стало ясно. Никитин убрал ладонь.

– Лежи и не дергайся. – Поднес к губам портативную радио и тихонько проговорил: – Ку-ку.

– О-го-го, – донеслось в ответ.

Колокольчик меж тем звонил не переставая. И вдруг умолк.

– Ну-ка, дружок, подвинься. – Никитин прилег к пулемету. – А вот теперь с замиранием сердца ждем. Скоро начнется.

– Ну, – еле слышно подал минут через пять голос боец-срочник. – Что? – голосок у парня подрагивал.

– Терпение, мой друг, – тихонько проговорил прапорщик. – Молчи и жди.

Началось, но не так скоро. Сначала на мелководье появился один-единственный боевой пловец. Уже без аппарата и без маски, зато с оружием на изготовку. Тихонько подплыл к берегу и принялся медленно водить головой вправо-влево и в обратном направлении. Осматривался, получается.

Никитин, в свою очередь, внимательно наблюдал за ним

через ПНВ³ в ожидании того, что вот-вот последует.

Пловец, не оборачиваясь, просигналил фонариком в сторону входа в бухту. И тут же на поверхности появилась голова, через несколько секунд – еще две.

– Две пары на суше, одна в воде, на шухере, как в букваре, – с удовлетворением отметил прапорщик. – Поехали! – негромко скомандовал он, и боец даже не стал спрашивать, куда конкретно.

Ночь вдруг перестала быть томной. Или же, наоборот, внезапно ею стала. Зажегся единственный маломощный прожектор, в луче которого, как на театральной сцене, оказались четверо вышедших на берег пловцов. Ребята были тертыми, поэтому впадать в ступор не стали. Наоборот, повели себя именно так, как в таких случаях предписывается. То есть попытались по-быстрому, не прощаясь, чисто по-английски уйти из гостей.

Как в таких случаях положено: с отвлекающей стрельбой в сторону прожектора и с использованием СДГ – светодымовых гранат.

Но ничего такого сделать просто не успели. Классический, как предполагалось, сухопутчик, тот, что организовывал охрану и оборону объекта, на поверку оказался кем угодно, только не классическим идиотом. Поэтому все предусмотрел.

С двух сторон с замаскированных позиций разом зарабо-

³ ПНВ – прибор ночного видения.

тали крупнокалиберные пулеметы, полетели гранаты. С берега по воде отработали гранатометы.

Все быстро началось и тут же закончилось. Конец пьесы, точнее, антракт. Можно прогуляться по фойе, сходить в буфет или еще куда. И быстренько – назад, в зал. Продолжение, уж поверьте, последует.

Глава седьмая

Двенадцатью часами ранее.

– Ну, – командир части, целый подполковник Прохоров угрожающе навис вспотевшей горой над мелковатым рядом с ним старлеем. Благо габариты позволяли: около двух метров ростом и далеко за центнер весом. Тут любому впору испугаться. – Доложи-ка мне, начальник паники, какого черта лысого ты меня в такую рань поднял? – Глянул на скромные часы в стальном по виду корпусе: – И сюда высвистал?

– Сейчас все сами увидите. – Старший лейтенант Большаков в свою очередь бросил взгляд на собственный роскошный хронометр, самый настоящий, с добрый кулак размером, «Ориент». Невысокий, достаточно скромного телосложения мужчина лет двадцати пяти, несмотря на столь лестную характеристику старшего воинского начальника, ни взволнованным, ни испуганным не выглядел. – Пройдемте, – и двинулся в сторону озера.

– Да объясни наконец, что случилось? – Подполковник двумя длинными шагами догнал его.

– Доброе утро, товарищи, – явил себя народу приехавший из поселка вместе с командиром майор Круглов по прозвищу Баянист. И тут же активно включился в разговор: – Надеюсь, ночь прошла без происшествий.

Заместитель командира по политической части славил-

ся тем, что живо интересовался буквально всем происходящим, умудряясь при этом быть абсолютно не в курсе опять же всего.

– Я о хоре, Виктор Андреевич. – Догнал командира и двинулся с ним в ногу. – Смотр самодеятельности – на носу, а отдельные товарищи... – поймал на лету яростный взгляд начальника, задумчиво почесал нос и замолчал.

На объекте над замполитом смеялись все, даже те, кто до этого вообще не умел этого делать. Когда-то в далекой юности Круглов сподобился, по слухам, отучиться в культпросветучилище где-то на Украине. Позже, каким-то образом умудрившись влиться в ряды доблестной Советской армии, своей главной задачей считал организацию во вверенной ему части непременно чего-нибудь вокально-хореографического, то есть песенно-пляшущего. Искренне веря в то, что все остальное само приложится⁴.

– Повторяю вопрос: что конкретно произошло этой ночью, Большаков? – с раздражением в голосе проговорил подполковник.

– Да, что этой ночью произошло? – вставил свои мелкие

⁴ И какие только интересные персонажи не становились в те далекие годы замполитами. В организации, например, где проходил службу автор, только несколько офицеров имели по одному высшему образованию. В основном – по два, реже – по три. А регулярно проводивший с нами занятия проводник, так сказать, линии партии в погонах имел за плечами аж горный техникум и ни хрена более. Сменил его, кстати, на этом ответственном посту тоже выпускник техникума, только сельскохозяйственного. Честно.

деньги в разговор представитель партии.

– Гости ночью приходили, – прозвучало в ответ.

– Какие еще гости?

– Они не представились.

– И... что?

– Пришли – не ушли.

На берегу озера был расстелен брезент. Сквозь него проступало что-то темное. Вокруг с жужжанием роились крупные, чуть ли не с воробья размером черно-зеленые мухи. Под брезентом явно что-то было.

Поодаль, пиная с двух ног воздух, вальяжно прохаживался здоровяк в камуфлированных портках, резиновых шлепанцах на босу ногу и обтягивающей мощный торс майке-алкоголичке цвета хаки. В детской панамке на коротко стриженной башке.

– Покажи, – распорядился старлей.

– Сей момент, – отозвался тот и сдернул брезент. – Вуаля, пожалте бриться, – не удержался и блеснул цитатой из недавно прочитанного, интеллигент хренов.

Прохоров открыл было рот, чтобы в очередной раз вежливо, по-армейски намекнуть Большакову на некоторые имеющие место случаи откровенного раздолбайства среди подчиненного лично ему состава. Но тут его взгляд упал на то, что было раньше скрыто под брезентом. И слова застряли в горле. Зато устремился вверх выпитый поутру кофе. С яичницей и бутербродами. Зажав ладонями рот, он рванул в сто-

рону кустов.

Зрелище, надо заметить, того заслуживало. Четыре мертвых тела крупными фрагментами. Крайне неаппетитно выглядевшие куски перемолотой, как в гигантской мясорубке, плоти вперемешку с обрывками резиновых водолазных костюмов. Только две головы в более-менее приличном состоянии, но отдельно от туловищ.

Еще два тела, почти целых. Только глаза у покойников вытарашены, как у рыб глубокой заморозки, да уши и носы в крови.

В общем, то, что категорически не рекомендуется к просмотру детям. Да и взрослым тоже, пожалуй.

– Командир, кофе будешь? – нарушил скорбное молчание Никитин.

– Давай, – кивнул Большаков.

– Держи. – Прапорщик налил ароматного напитка в кружку из большого китайского термоса и передал старлею.

Вышедший было из кустов подполковник повел носом на запах и тут же ломанулся обратно, аж кусты затрещали.

– Однако, – подал голос замполит. – И чем это их?

– Этих посекали из пулеметов, – любезно пояснил Никитин. – Ну, и гранатами добавили.

– А этих? – указал на лежащих чуть поодаль двоих.

– Тоже гранатами, но уже на глубине. Не ушли, красавцы, все – здесь.

– Ужас, – поежился Круглов. – А можно и мне немного

кофе?

– Легко, – кивнул прапорщик. И глянул с уважением.

Политрабочий, надо заметить, в отличие от старшего по званию и должности, выглядел и вел себя вполне прилично. В кусты не бегал, в обморок грохнуться не норовил. Не побледнел даже. Хорошую, знать, получил в свое время в «кульке» закалку. Или комиссарил в морге до того, как угодить в Африку.

– Что ты наделал, идиот? – заревел, как носорог, появившийся из кустов подполковник. Проблевавшись, он сделался привычно грозен. Не дождавшись ответа, принялся грозить трибуналом. И вдруг как будто сдулся, потому что продолжил уже вполне жалобно: – И что теперь будет?

– Ничего особенного, вполне штатная ситуация: отражение нападения на объект.

– А откуда ты знаешь, что это было именно нападение? – заблажил Прохоров. – Вдруг спортсмены какие-то или туристы?

Все, даже попивающий халявный кофеек замполит, молча на него уставились.

– Где доказательства? – не унимался подполковник.

– Вот, – простер руку в сторону истлевшей от времени рыбацкой лодки Никитин. – Любуйтесь.

Четыре пистолета-пулемета, шесть пистолетов, все с глушителями. Противопехотные мины, просто гранаты и гранаты светодымовые. Ножи. Дыхательные аппараты, маски, ла-

сты.

– Кто это был, интересно? – Замполит допил кофе и протянул Никитину кружку. За добавкой.

– Да кто угодно, – отозвался тот. – Хотя, с большей вероятностью, либо штатники, либо боевые пловцы из четвертого подводного отряда ЮАР. Скорее, последние.

– Согласен, – задумчиво проговорил тот. Присел на корточки возле одного из сохранившихся, отогнал ладошкой мух. – Истинный ариец по виду. Пряма-таки Зигфрид какой-то.

Наблюдавший за всем этим подполковник вдруг побледнел и принялся массировать себе грудь в районе сердца.

– Что мне теперь докладывать? – уже жалобно и очень негромко проговорил он.

Не будем строго осуждать отважного воина. Этот эпизод был явно самым ярким за всю предыдущую службу, проходившую в одной из подмосковных придворных дивизий.

– Ничего уже не надо. – Большаков кивнул Никитину, и тот вернул брезент на прежнее место. – Я с утра пораньше извещил кого надо в аппарате главного военного советника. Скоро оттуда приедут.

– А кто тебе?.. – начал было Прохоров и замолчал на середине фразы. Ему опять сделалось нехорошо.

– Имею все необходимые полномочия, – мягко заметил старший лейтенант. – Так что приготовьтесь рапортовать об успехах. И... – замялся, – смените, пожалуйста, рубашку, а

то у вас вся грудь в...

– Так, что у нас тут происходит? – с темными кругами под глазами, благоухающий дешевым, явно не мужским парфюмом и чем-то прочим пахучим, на берегу объявился оперативный уполномоченный особого отдела на объекте капитан Поздняков. Деловитый и бдительный. Как всегда, вовремя. От баб-с.

– Уже все произошло, – устало молвил Большаков. – А подробности вот он расскажет, – кивнул в сторону Никитина.

И пошел себе где-нибудь в спокойной обстановке все обдумать. Благо было что.

Глава восьмая

Пятью часами ранее.

– Ну, что сказать? – Старший военный советник по разведке как следует отхлебнул из высокого стакана. В воздухе остро запахло Новым годом. В смысле, елкой. Полковник вторую неделю мучился подхваченной в Юго-Восточной Азии хрен знает сколько лет назад малярией, которую по святой колониальной традиции лечил «родным» английским джином. Без тоника, естественно. – Молодец – он и в Африке молодец. И все-таки, кто это был?

– Никитин полагает, что южноафриканцы. Сталкивался с ними пару лет назад.

– Не факт, – задумчиво проговорил главный разведчик в радиусе тысячи километров. – Но все равно – орел. Благодарность тебе, Большаков, от меня лично. А Прохорову твоему за высочайшую бдительность, – хмыкнул, – и прочий геройский героизм может и орден обломиться. Без обид.

– Касательно Прохорова... – Старший лейтенант помолчал, собираясь с мыслями. – Такое впечатление, что он произошедшему совершенно не рад. Скорее – наоборот. И сердечко тут же прихватило, как понял, что это были боевые пловцы.

– Это все?

– Нет, – качнул головой Большаков. – Не все. Он даже о

наших потерях не спросил, представляете?

– А что, и потери были? – последовал немедленный вопрос.

– Нет.

– Да ладно тебе, Николай. – Полковник добавил лекарства в стакан. – Обычный парадный вояка, что с него возьмешь? «Холодных» небось впервые в жизни увидал, вот и потек.

– Может быть.

– И о сетке со скрытыми постами тоже, видать, был ни сном ни духом, – прозвучало, скорее, как утверждение, а не вопрос.

Старлей кивнул.

– Мы подсуетились, пока товарищ подполковник был в отъезде.

– А по возвращении совершенно забыли доложить, – догадался полковник, – потому что дела разные навалились.

– Именно, – снова кивнул Большаков.

– И это правильно. Нечего грузить высокое начальство, тем более такое, мелкими и незначительными подробностями.

Полковник фишку, что называется, рубил. До того, как угодить на теплую, хорошо оплачиваемую должность сюда, добрых пару десятков лет занимался исключительно тем, что шлялся по тылам. Вероятного противника. С группой единомышленников.

Придвинул поближе к скромно притулившемуся в уголке

стола старлею бутылку.

– Не желаешь?

– Самую малость, – светски ответил Большаков.

– Наливай сам. – Достал из тумбочки у стола чистый стакан и передал. – Освежись и дуй на объект. Чует мое старое больное сердце, что этим дело не закончится.

И ведь не ошибся.

Глава девятая

До недавнего времени именно в этом районе Черного континента было тихо и спокойно, насколько это вообще возможно в Африке. А потом вдруг рванули сразу два судна в порту соседней страны, советское и братской ГДР, прибывшие, как сами догадываетесь, с грузами исключительно мирного назначения.

После этого командование обратило наконец внимание на охрану военных объектов. И дело закрутилось вполне повзрослому, но, как часто бывало в доблестной Советской армии, через задницу. Так, для усиления охраны совершенно секретной части радиоконтрразведки направили всего-то группу специального назначения неполного состава.

Прибывший к месту развертывания той самой части старший лейтенант Большаков осмотрелся на месте и немедленно охренел. Значит, так: отдельная войсковая часть, семь радиальных и три штабные машины, десятка полтора спеццов, шесть технарей и пятеро разгильдяев-переводчиков, взвод материально-технического обеспечения и взвод охраны под командованием тридцатидевятилетнего, годочков пятнадцать назад выбившегося в офицеры из сверхсрочников, старшего лейтенанта. Он с боями пробился в Африку, чтобы получить наконец очередное, оно же последнее воинское звание. Ну, и подкопить деньжат к пенсии, конечно же.

Мультишный персонаж – замполит объекта. И сам по себе объект всеобщих, не особо скрываемых насмешек. «Балалаечник», короче. В смысле, Баянист. Первым же делом при знакомстве поинтересовался, нет ли среди подчиненных Большакова певцов или, в крайнем случае, танцоров. Отрицательный ответ сильно его расстроил.

Окончательно и бесповоротно забивший на службу сексуально озабоченный душка-особист.

И наконец, старший воинский начальник, целый подполковник, прибывший на Черный континент прямиком из Таманской дивизии за досрочным очередным званием. И последующим вертикальным взлетом в плане карьеры. Не имеющий, кстати, согласно допуску, права заходить вовнутрь ни одной из пяти радиийных машин. И совершенно этим фактом не расстроенный.

С Большаковым он пообщался буквально пять минут и буквально через губу. Замкнул того на карьериста старшего лейтенанта и тут же на несколько дней убыл. Типа по делам.

– Значит, так. – Николай увернулся от метко пущенного персонально в него мяча. Волейболисты из числа переводяг дружно заржали. – Деревья по периметру придется вырубить.

– Сделаем, – кивнул седой и одновременно лысоватый старлей и вернул мяч игрокам.

Дело было на пляже. Свободные от несения службы военные (такое впечатление, что и не свободные тоже) друж-

но расслаблялись, как в санатории Министерства обороны имени К. Е. Ворошилова в Сочи: плескались в кристально чистой воде, принимали солнечные ванны, лениво перебра- сывались мячиком.

– Кусты тоже, – продолжил Большаков. – И травку неплохо было бы выкосить. А то уж больно высокая.

– Понял. – Бывший сверхсрочник сделал пометку в блок- ноте. – Завтра же и начнем.

– Сегодня, – мягко поправил его равный по званию и ши- бко младший по возрасту. – Лучше начать прямо сегодня.

– Есть, – кивнул тот. – Вот жара спадет немного, и сразу начнем.

– Хорошо. – Большаков принялся разоблачаться. Вода так и манила. – Теперь насчет озера.

– А что насчет озера? – удивился начальник охраны.

– Как это что? – в свою очередь удивился, застревая в шта- нине, Николай.

Вскоре, как пишется в газетных передовицах, закипе- ла работа. Вход в лагуну плотно перегородили сплетенной на заказ в ближайшей рыбацкой деревне здоровенной се- тью. В качестве датчика движения приспособили на поплав- ке обычный валдайский колокольчик, арендованный у при- званного из Новгорода бойца-срочника.

В кустах на скалах по обе стороны от входа в лагуну обо- рудовали скрытые огневые позиции с пулеметами.

Переросток-старлей, кстати, оказался вполне толковым

кадром. Он с ходу признал старшинство Большакова. Права качать не пытался, все указания исполнял старательно. Он же, кстати, в ту самую ночь дежурил у одного из крупнокалиберных пулеметов. Сказал, что в свое время был очень даже неплохим стрелком. Не соврал, с пулеметом бывший сверхсрочник управлялся виртуозно.

Глава десятая

Все или почти все долгое время находящиеся вне пределов любимой отчизны советские люди испытывают нешуточную ностальгию не столько по самой Родине, сколько по ее кулинарным шедеврам: черному хлебцу, селедочке и, конечно же, по ней, прозрачной. Той, что и в тени ровно сорок градусов.

Старший лейтенант ввиду недолгого пребывания вне родных осин с березками гастрономически толком соскучиться не успел. Поэтому весь день, с самого раннего утра мечтал исключительно о хорошем, размером со штык лопаты стейке в сопровождении жаренной ломтиками картошечки «по-деревенски».

Именно поэтому перед возвращением на объект он завернул в ресторан при гостинице «Palace», одно из двух приличных заведений общепита в городке. Рассчитывая на поздний сытный обед, так как позавтракать, ввиду всего ранее произошедшего, конечно же, не сподобился.

– Коля! – окликнул его с комфортом расположившийся за столиком в углу белобрысый верзила. – Давай сюда!

Майор по имени Никита, перед которым стелились многие товарищи полковники. Сейчас таких называют мажорами, а раньше – блатными. Главный, он же единственный в аппарате старший советник по авиации, хотя таковой в стра-

не пребывания категорически не наблюдалось.

Весело убивавший свободное время, благо того было немерено, по барам с кабаками, на пляжах и даже на спорт-площадке. Когда-то он более-менее серьезно занимался волейболом, поэтому любил под настроение, если до того не загружался по ноздри спиртным, выйти на площадку и показать класс.

Там они и познакомились две недели назад, во время организованной по приказу главного военного советника спартакиады. Срочно вызванный с объекта Большаков влился в команду разведки, а Никита усилил собственной персональной группой пузатеньких предпенсионного возраста атлетов из группы боевой подготовки. И солировал, как прима-балерина из Большого театра среди самодеятельности сельхозартели «Напрасный труд».

А после игры соизволил подойти к Николаю и совершенно искренне того похвалить. Невысокий, медлительный с виду старлей мало того что тянул абсолютно все летевшие в его сторону мячи, еще и умудрился пару раз «зачехлить» блоком бывшего диагонального окружной армейской команды. С тех пор здоровались при встрече, иногда даже общались.

- Салют! – Майор протянул, не вставая, руку. – Падай.
- Здорово, – отозвался Большаков и «упал» на стул рядом.
- По вискарику?
- Вообще-то я за рулем, – застеснялся старлей.
- Боишься, что гайцы права отнимут? – заржал на весь

зал тот. – Слыхал, у вас ночью заваруха приключилась? – и тут же налил.

– Было дело, – кивнул Большаков.

– Мимо ордена точно пролетишь, – с глубоким пониманием вопроса заметил Никита. – А вот Корейко ваш...

– Это кто? – удивился Николай.

– Как это кто? Витя Прохоров, кто же еще? – опять хохотнул майор. Он к тому времени уже успел как следует принять на грудь, а потому пребывал просто-таки в расчудесном настроении. – Везет же мужчинке: и денюжат здесь нехило приподнял, и орденок уж точно на лету схватит.

– Почему ты решил, что он сильно при деньгах?

И очень удивился, услышав ответ. А потом крепко задумался. Под вискарик.

* * *

– Есть разговор, товарищ капитан.

Особист тем вечером почему-то оставался на объекте. Как будто ожидал чего-то. Или кого-то.

– Еще как есть, – отозвался тот. Принюхался. – Ого: джин, виски и даже пиво. Уже начал праздновать?

– Чисто символически, для аппетита, – попытался отмазаться старлей.

– Имеешь право, – признал Поздняков. – Ты у нас теперь – герой. И конспиратор великий. О сетке и прочем даже я не

знал.

«Почаще надо на службе бывать, а не укреплять в койке дружбу народов». Капитан, многие это знали, предпочитал проводить ночи вне расположения части. Исключительно в городке, в компании представительниц коренного населения. Ввиду типа острой оперативной необходимости.

– Так...

– Через часок-другой подъедем в одно место. Есть тема для серьезного разговора по моей линии.

– А...

– А руководство уже в курсе, – успокоил оперативный уполномоченный. – Стартуем, как стемнеет.

В машину, шестьдесят девятый «газон», загрузились вчетвером. Никитин – за рулем, Большаков – рядом. Сам Поздняков – сзади вместе с худощавым складным пареньком, лейтенантом Фесенко.

– Поехали, – скомандовал особист. – И рули, брат, аккуратнее. А то как бы не вышло, как в том пошлом анекдоте...

Глава одиннадцатая

То самое время.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить, Коля?

Он жалобно застонал, только что, дескать, пришел в себя. На самом деле старший лейтенант очухался несколько раньше, когда его выкинули из машины и куда-то поволокли. Просто не счел нужным оживать раньше времени, чтобы еще раз не получить по голове. Того, что прилетело до того, хватило с лихвой.

Открыл глаза и осторожно повел головой влево-вправо, потом глянул вверх – чистенько, аккуратненько и по-штабному культурно. То есть просторная, достаточно ярко освещенная палатка, складной стол, пара стульев, какие-то ящики в углу. И люди внутри. Один из них, капитан Поздняков (вот так встреча!), как раз склонился над ним.

– Нет, ты скажи, дружок, – несильно пнул лежащего ногой в бок. – Или тебе еще добавить?

– Довольно, Юрий. Оставьте нашего друга в покое, – негромко произнес стоявший чуть поодаль. Николай его сразу-то и не разглядел.

Сказано было на классическом, заметьте, английском. Без малейшего акцента и всяких там примесей. Большаков попытался навести резкость. Однако.

Самый что ни на есть настоящий английский джентльмен.

Достаточно молодой, всего на несколько лет, по виду, его самого старше. Высокий, по-спортивному худощавый. Пороdistое, в смысле, лошадиное лицо, орлиный нос, тонкие губы, разделенные ровным пробором светло-рыжие редковатые волосы. Приодень такого в классическом колониальном стиле: рубаху и шорты цвета хаки, гетры до колен, грубые ботинки из замши, пробковый шлем и обязательно стек, классический тут же получился бы персонаж. Таких здесь и по всему миру хватало еще полвека назад. «Высокая миссия белого человека», «правь, Британия» и все такое. А кто-то просто от кредиторов скрывался. Впрочем, и в новехоньком, не обмятом даже камуфляже он смотрелся тоже достаточно живописно.

– Развяжите его и усадите на стул, – распорядился тот.

Освобожденный от веревок Большаков встал, после первого же шага вскрикнул и потерял равновесие. Наверняка упал бы, не поддержи его товарищ и сослуживец.

– Что с вами? – проявил участие незнакомец.

– Нога, – простонал старший лейтенант.

– Перелом? – отчего-то забеспокоился тот.

– Вряд ли. – Николай осторожно шагнул раз, другой. –

Видимо, просто растяжение. Но все равно больно.

– Потерпишь, – хмыкнул Поздняков. – Ты же у нас герой.

– Постараюсь. – Большаков доковылял до раскладного стула и со стоном присел.

– Ну, что, красавчик, – начал было по новой речь особист,

но тут его прервали.

– Вам пора возвращаться, друг мой, – прозвучал облеченный в вежливую форму приказ. – Идите готовиться, а мы тут сами во всем разберемся.

– Хорошо, – кивнул Поздняков. Миновал стоявшего у входа здоровенного, как культурист, мулата и шагнул в темноту.

– Ну, что, давайте знакомиться. – Станный персонаж присел за стол напротив Большакова. – Ваше имя мне известно. А меня зовут Бенедикт.

– Англичанин? – подал голос Николай. – Странно как-то.

– Чистокровный, – кивнул тот. – А еще баронет, потомок, уж поверьте, славного и знатного рода. Не буду настаивать, чтобы вы обращались ко мне «ваша светлость», достаточно просто «сэр». Впрочем, на этом тоже не буду настаивать.

– Секретная служба? – удивился Большаков. – Какого, простите, черта вы здесь делаете?

– Всею грудью дышу воздухом шпионажа⁵, – улыбнулся тот. – Уже несколько лет, не без успеха, надеюсь, работаю на правительство, – усмехнулся, – бывшей колонии, сами догадываетесь, в какой организации. Такая вот ирония судьбы.

– Точно, – осторожно изобразил кивок Большаков. – Она самая. Ну и?

– А не перейти ли нам на ваш родной язык? Полагаю, так

⁵ Д. Дефо – английский писатель, а еще шпион. Человек крайне интересной биографии.

вам будет удобнее, да и мне практика не помешает.

– Как скажете.

– Отлично. – Раскрыл фасонистый портсигар из самой настоящей оружейной бронзы по виду. – Не желаете? Ну, как знаете. – С удовольствием закурил. – Не буду утомлять вас долгой болтовней. Контору, что я представляю, очень интересуется нечто, находящееся на балансе вашей части. Догадываетесь, что конкретно?

– Плакаты из Ленинской комнаты? – предположил Николай.

Он тоже, не понять зачем, пытался вести беседу в стиле сидящего напротив: вежливо и слегка иронично. Получалось неважно, мешала гудящая от боли башка.

– Рад, что вы не растеряли чувство юмора, но – нет. Все-го-навсего блок из радиосистемы настройки частот. Буду весьма признателен, если вы извлечете его из радиийной машины и передадите нашему общему другу Юрию. Он, видите ли, решил переехать на жительство в Штаты. Премии за этот приборчик с лихвой хватит, чтобы там как следует обустроиться. Еще и вам останется, если вздумаете составить ему компанию. Кстати, как вам мой русский?

– Очень даже неплохо, – покривил душой Большаков. На самом деле Бенедикт, который сэръ, изъяснялся на его родном языке просто на зависть: шикарный словарный запас, едва различимый акцент.

– Благодарю. Что скажете по поводу моего предложения?

– Надо подумать. – Николай вздохнул. – Позвольте сигарету.

– Бога ради, – раскрыл портсигар, щелкнул зажигалкой.

Глава двенадцатая

– Значит, я, – начал после короткой паузы Большаков, – возвращаюсь на объект. К утру-то успею? – Глянул было на часы, но не обнаружил их на привычном месте.

Муллат радостно рассмеялся и продемонстрировал собственное запястье. С его, большаковским «Ориентом». Уже бывшим.

– Билли коллекционирует взятые в качестве трофея часы, – пояснил, на сей раз по-английски, Бенедикт, – но с радостью вернет их вам, если договоримся.

Смех прервался, здоровяк нахмурился. Видимо, вертать взад награбленное в его планы не входило.

– Я успею вернуться до рассвета? – повторил вопрос Николай. – Поймите, это важно.

– Запросто, – кивнул баронет и потомок. – Мы не так далеко от вашей части. Только вот что...

– Что?

– Читаю на вашем простом и честном лице искреннее желание меня обмануть. Предупреждаю сразу: не выйдет.

– Да я в мыслях... – пробормотал Николай.

Схватился за голову и застонал. Что называется, накатило.

– Аспирину? – забеспокоился англичанин.

– Будьте так любезны, мать вашу...

– Ну, как? – прошло минут десять.

– Легче, – признал Большаков. – Можно сказать, почти сносно.

– Тогда продолжим, дружище. Видите ли, я совершенно не доверяю бумагам, поэтому вам не придется ничего такого подписывать. По крайней мере, сейчас. Пойдем, как сказал один ваш вождь, другим путем.

– Это как?

– Просто, как все гениальное. Вчера, до вас еще, мои ребята прихватили двоих офицеров правительственных войск и одного унтера. Поэтому вы для начала дадите мне честное слово офицера и джентльмена сотрудничать с нами, а потом перережете всем троим глотки. Уверен, справитесь. А мы это, – достал из объемистой сумки фотоаппарат, самый настоящий Polaroid, – увековечим для потомков. Как вам это?

Большаков молча покачал головой.

– Зря вы так, честное слово. – Бенедикт наклонился и похлопал его по плечу. – Обезьянок этих пожалели, что ли? Они того не стоят, уж поверьте.

– Не обижайтесь, но нет, – прозвучало в ответ. – Воспитание не позволяет.

– Это как бы вам не пришлось обижаться, – расхохотался англичанин. – Я же вам не рассказал самого главного. Знаете, что последует в случае гордого отказа с вашей стороны?

– Элементарно, – пожал плечами старлей. – Шлепнете, и все дела.

– Не все так просто, – покачал головой баронет. – Шлепнут, конечно же, но не сразу. И не мы. Видите ли, прошлой ночью ваши люди несколько сурово обошлись с боевыми пловцами из ЮАР. И это еще не все.

– Да что вы говорите? – Большакову сделалось грустно.

– Вел их на то задание лейтенант-коммандер... Черт, не могу вспомнить фамилию. По прозвищу Сказочник.

– Вот как. – Большаков тоже не мог вспомнить ту фамилию. А имя тут же всплыло в памяти: Ганс Христиан. Откуда и прозвище. Легенда военно-морского спецназа ЮАР. Поговаривали, что взрывы в порту у соседей – его работа. – Хреново.

– Целиком и полностью с вами согласен, – кивнул Бенедикт. – Лучше было бы вам прошлой ночью грохнуть кого-нибудь другого.

– Не повезло, – подвел итог Николай и потянулся к портсигару.

– У вас будет возможность в этом убедиться. И сильно пожалеть о случившемся. – Помолчал. – И себя лично. Видите ли, в случае отказа от сотрудничества мы просто передадим вас бурам. А уж они-то...

Большаков против воли поежился. Наслышан был о нравах и обычаях белых африканцев.

– Ну, так что? Обещаю, мы сможем обставить все так, что на вас не упадет и тени подозрения. Вздумаете остаться, слушайте себе дальше, делайте карьеру, растите в званиях.

– А в один прекрасный день... – продолжил Большаков.

– Вполне возможно, – согласился англичанин. – Ладно, мы что-то увлеклись беседой. Ваше решение?

– На хрен, – вздохнул Николай. Если честно, ему было очень себя жалко. И вообще.

– Ну и дурак, – прозвучало в ответ откровенно. – Сейчас вас отведут на отдых. Там, – хмыкнул, – находится еще один пленный джентльмен. Посмотрите, что с ним сотворят завтра, глядишь, и передумаете.

Мулат ловко связал Большакову руки и выволок за шиворот наружу. Протащил его, повизгивающего от боли и припадающего сразу на обе ноги, к скудно освещенной палатке по соседству и пинком забросил вовнутрь.

– Добрый вечер, – прозвучало из темноты. – Проходите, располагайтесь.

И опять на классическом английском, как будто там находился еще один баронет из УК. В крайнем случае – диктор ВВС.

Глава тринадцатая

– Пусть будет таким, если вы настаиваете. – Николай со стоном опустился на колени и упал на землю. – Хотя лично я так не считаю.

– Русский? – прозвучало удивленно из темноты. – Очень интересно.

– Как это вы сразу догадались? Я вроде без флага и гимна.

– По вашему чудесному акценту, друг мой.

– Вы случайно не профессор филологии?

– Ничуть, – отозвался из темноты неизвестный. – Просто достаточно хорошо изучил варианты фонетики вероятного противника. Здорово, ревизионист!

Он перекатился поближе и оказался на свету. У Николая отвисла от удивления челюсть: спеленутый веревками, как кокон, маленький щуплый азиат.

Точнее, китаец. Большакова тоже чему-то когда-то неплохо обучали, сразу узнал.

Самый настоящий, что удивительно, изъясняющийся на безупречном классическом английском. В рваном обмундировании и очень неплохо избитый.

– Ni hao⁶, маоист, – буркнул он в ответ. – Какими судьбами?

– Побрали семнадцать, – пауза, – без четырех минут во-

⁶ Здравствуй (*кит.*).

семнадцать часов назад.

– Что-то не наблюдаю часов на стенах. Откуда такая точность во времени?

– А мне они и не нужны, – усмехнулся качественно разбитым лицом китаец. – Кстати, утречком меня собираются прикончить. Точнее, казнить, жестоко и изобретательно. Так, по крайней мере, обещали.

– Спасибо, – машинально отозвался старлей. – Я уже в курсе. Кстати, за что?

– За четверых убитых чернокожих.

– В бою?

– После того как меня захватили, – любезно пояснил азиат. – Их это настолько впечатлило, что пообещали нечто очень интересное.

– Извращенцы, – проворчал Большаков. – Нет, чтобы сразу.

– К утру должны прибыть сослуживцы убитых, они же – соплеменники.

– Теперь понятно.

– Нам придется провести некоторое время вместе. – Китаец еле слышно чихнул. – Извините. Так вот, предлагаю перейти на имена. Зовите меня Ван.

– Тогда меня – Вася.

– Очень приятно, Вася. Кстати, что у вас с ногой?

– Все в порядке. Симулировал на всякий случай.

– Второй вопрос: не надоело ли вам валяться спеленутым,

как младенец?

– А вам? – в лучших традициях Жмеринки ответил Большаков.

– И мне. – Достал из-за спины якобы связанную руку и почесал нос, после чего вернул ее на прежнее место. – Внимание, – и откатился назад в темноту.

Полог палатки распахнулся. Высоченный, плечистый, стриженный почти наголо белый мужик внимательно осмотрелся и вышел. Большаков, к своему стыду, признал, что не услышал, как тот подходил. Видимо, слишком увлекся беседой.

– В следующий раз заглянет минут через пятьдесят, – доносилось из темноты. – Разгильдяи.

– Согласен, – признал Николай. – Еще вопросы?

– Вопрос последний: а не засиделись, в смысле, не залежались ли мы в гостях? Может, пора по домам?

– Я – только за.

Китаец возился с веревками на теле Большакова не намного дольше, чем здоровяк Билли, когда его связывал.

– Что теперь? – поинтересовался Николай, растирая затекшие конечности.

– Разрежем брезент, вон там, в углу, и двинемся.

– Чем, позвольте спросить? Вам что, сохранили меч?

– И без него справимся, – скупно улыбнулся как бы Ван. – Натяните брезент. Вот здесь, будьте так добры.

Крохотная ладошка прошла сквозь плотную материю, как

иголка сквозь марлю.

– Ни хрена себе, – чуть слышно проговорил Николай.
По-русски.

Глава четырнадцатая

Часовой, тощий, среднего роста африканец, заслоняя ладонями от ветра огонек зажигалки, принялся, в нарушение устава караульной службы, раскуривать самокрутку. И тут же за это поплатился. Прыгнувший на него сзади Большаков самым решительным образом прервал столь вредный для здоровья процесс табакокурения. Заодно и вооружился: явно не родной АК-47, пара магазинов, старенький «Браунинг» и неожиданно отличный нож. Самый настоящий «Кабар» в потертых кожаных ножнах.

Они сошлись у кустов на окраине лагеря. Ван, или как его там, тоже с автоматом за спиной и ножом в руках шагнул навстречу.

– Стой! – проорал шепотом, по-русски от волнения, Большаков. – Замри!

Тот так и застыл с поднятой ногой в нескольких сантиметрах от еле заметной в траве проволоки. Соединенной, по видимому, с сигнальной ракетой. Или гранатой. Потом осторожно опустил ее и благодарно кивнул. Внимательно глядя под ноги, буквально обнюхивая землю под ногами, оба преодолели последние метры и нырнули в кусты.

– Понимаете по-русски? – ехидно спросил Николай.

– Исключительно в пределах военного разговорника, то есть практически нет.

– Понятно.

Впереди показалась дорога.

– Если не ошибаюсь, здесь должен быть автомобиль с патрулем, – заметил Ван. – У меня только два ножа. Дайте-ка ваш на всякий случай.

– Сам справлюсь, – буркнул Большаков.

И справился. «Кабар» вошел точно под лопатку чернокожему бойцу на переднем сиденье. Два других, выпущенных китайцем чуть позже в долю секунды один за другим, оборвали жизни водителя и пулеметчика на заднем сиденье.

Старший лейтенант глянул на звезды.

– Мне туда, – и показал рукой. – А вам?

– Вообще-то я собираюсь прихватить вас с собой, – заметил китаец. – Возвращаться из плена веселей не в одиночку. Что скажете? – и покачал головой.

Дуло трофейного револьвера в его правой руке смотрело в землю. При желании он мог за секунду взять Большакова на мушку.

– И я того же мнения, – не стал возражать Николай. – Компания – дело святое.

Его «Браунинг» как раз-таки был направлен в живот товарищу по несчастью и союзнику. Уже бывшему.

– А вы проворней, чем я ожидал, – заметил Ван. – И что теперь?

– Теперь я уезжаю, а вы двигаетесь пешим ходом, – после некоторого раздумья ответил старший лейтенант.

Здорово было бы, конечно, вернуться из плена с собственным пленным, тем более китайцем. По данным разведки, их здесь, кстати, не было и не должно было быть. Вот только уж больно стремно было вести с собой такого вот ловкача. Даже оглушенного и старательно связанного.

– Понимаю, – очаровательно, как только китайцы умеют, улыбнулся Ван. – До метро не подбросите?

– Не по пути. Прощайте.

Китаец развернулся и нырнул в заросли.

– Приятно было познакомиться, – негромко прошелестело оттуда. – До новой возможной встречи.

– Вот уж на хрен.

* * *

– Свои, – проговорил, подъезжая к посту Большаков.

– Старшой? – раздалось удивленное из кустов – А?..

Лейтенант Семенов вышел из кустов и остановился в паре шагов от машины.

– Кто из командования на объекте? – Николай вылез из автомобиля и тяжело оперся на капот. Силы заканчивались.

– Никого, только Баянист зачем-то ночевать остался. Откуда аппарат?

– Потом, – отмахнулся Большаков. – Отгони тачку в кусты и молчи, что меня видел.

– Понял.

Ну, что ж. Баянист так Баянист. Николай на минуту за-скочил к себе в палатку. Умылся, поискал аспирин и не обнаружил. Голова, как схлынул адреналин, разболелась так, что хотелось ее оторвать и забросить куда-нибудь подальше.

В палатке у Круглова было темно и тихо.

– Товарищ майор, – старший лейтенант распахнул полог и шагнул вовнутрь, – просыпайтесь!

– А я не сплю, Коля. – Свет зажегся. Видно, этой ночью замполит ждал гостей.

Восседал за столом, бодрый и деловитый, прямо как в президиуме отчетно-выборного собрания. И не один: в углу палатки пристроился на табурете штатный начальник охраны объекта. Тот самый, преклонного возраста старлей. С «калашом» на коленях. Тоже бодрый и собранный и на себя, привычного, совершенно не похожий.

– Садись. – Круглов указал на свободный стул.

– Спасибо.

– Выпьешь?

– Не найдется чего-нибудь от головы?

– У нас, как в Греции, все есть. – Покопался в тумбочке и извлек упаковку.

Большаков проглотил сразу три таблетки и запил стаканом воды.

Поставил стакан на стол и только тут заметил выглядывающий из-под пожелтевшей «Красной звезды» за прошлый месяц пистолет Макарова. Ух, ты.

– Легче стало?

– Немного.

– Тогда давай рассказывай.

– Боюсь, товарищ майор, это несколько не в вашей компетенции, – покосившись на ствол под газеткой, отмахнулся Николай. Не до политесов было.

– В моей, Коля, в моей. – Круглов протянул ему книжечку в кожаном красном переплете. – Ознакомься.

«Старший оперативный уполномоченный третьего главного управления Комитета государственной безопасности». Не Круглов и точно не майор.

– Товарищ полковник?

– Полковник, полковник. Начинай уже. Время, так понимаю, дорого?

– Так точно.

Большаков глянул на часы – вновь обретенный «Ориент» (здоровяк Билли на свою беду спал этой ночью на свежем воздухе в гамаке) – и начал.

Глава пятнадцатая

– Красивая получилась история. – Фальшивый Круглов отхлебнул чайку из самой настоящей среднеазиатской пиалы. – Злодей-особист, он же предатель, плен, вербовочные подходы, мать их ети. А потом вообще как в романе: побег в компании с каким-то китайцем. Откуда здесь китайцы, Коля?

– Понятия не имею, – буркнул Большаков. – Но именно так все и было.

– Во накрутил-то! – раздалось из угла палатки.

– Точно, – согласился полковник. – А Поздняков, между прочим, рассказал совсем другую историю: дескать, именно ты приказал остановить машину, после чего расстрелял Фесенко с Никитиным. А его хотел захватить живьем, только наш Юра оказался ловким парнем. Дал тебе по башке, выкинул из машины и уехал. Выглядит, согласишься, куда как правдоподобней.

– Согласен, – осторожно кивнул пульсирующей от боли головой Большаков. Даже аспирин толком не помог. – Значит...

– Да ни хрена это не значит. – Полковник убрал ствол в кобуру. – Лично я склонен верить тебе, а не этому разгильдяю и бабнику. Да и Никитин твой...

– Что с ним? – вскинулся Николай.

– То ли башка у твоего прапора бронированная, – раздалось из угла палатки, – то ли пуля прошла по касательной. Короче, ночью он очухался. Добрел до ближайшей деревни, угнал мопед – и сюда. Успел сообщить, что Поздняков – сука голимая, и отрубился. Контузия у него. Сильнейшая.

– Ух, ты.

– Ах, ты. – Полковник закурил. – Поэтому капитану сразу после доклада вот он, – кивнул в сторону якобы переростка старлея с автоматом, – грамотно настучал по организму, зафиксировал и забросил в палатку под охрану твоим нукерам.

– А...

– А теперь давай о Прохорове. Что такого интересного ты на него накопал?

– Так получилось, – начал Николай, – что несколько часов назад мне стало известно, что наш подполковник – очень небедный человек.

– Источник?

– Никита, майор из аппарата главного военного советника.

– И что такого тебе сказал этот самый Никита? Постарайся воспроизвести дословно.

– Хорошо.

* * *

– А вот Корейко ваш...

– Кто это? – удивился Большаков.

– Как это кто? – в свою очередь удивился майор. – Витя Прохоров, кто же еще. – Хохотнул. – Везет же мужчине: и деньжат здесь нехило поднял, и орденочек точно на лету схватит.

– А почему ты решил, что он сильно при деньгах?

– Все просто, дружище. Ты его «котлы» видел?

– Ничего особенного. – Большаков с законной гордостью глянул на собственный хронометр. – Какая-то штамповка в железном корпусе. Делов-то.

– Штамповка... – Майора аж скрючило от хохота. – Ой, не могу! Ну, ты и знаток! Вот это видел? – продемонстрировал собственные часы.

– Ну.

– Гну! Made in Швейцария, чтоб ты знал. Стоит, к сведению некоторых знатоков, как пар десять твоих «Ориентов».

– Ого.

– Точно, именно так. А у Витечки часики – самая настоящая «Омега», да в платиновом, чтоб ты знал, корпусе! Ценной – как пар пятнадцать моих или два ведра твоих, роскошных.

– Да ладно!

– Мамой клянусь. В Союзе знающие люди за такие штуки сто советских денег отслонявят не глядя. И еще спасибо скажут.

– Твою мать, – ошарашенно пролепетал старлей.

– Исключительно тонко подмечено, – ухмыльнулся Никита. – Хватит и на шикарный кооператив в столице или домик у моря, и на долгую сытую жизнь. Учись, студент. – Майор сделал пару богатырских глотков из стакана и тут же долил.

– А ты-то откуда знаешь?

– Я-то? – Закурил. – Откуда надо. У тестя... – Замялся. – В общем, за слова отвечаю. Ну, что скажешь?

– Клара, – ответил словами пошлого анекдота Большаков. – Я... ею, – и тоже освежился. Даже вкуса не почувствовал.

* * *

– Вот, значит, как. – Полковник в задумчивости отстучал пальцами по столу что-то, отдаленно напоминающее «позорный» пионерский марш. – «Омега» в платиновом корпусе... Аванс получается или даже полная оплата за труды праведные. Лихо его юаровцы захомутали.

– Теперь понятно, – донеслось из угла, – почему его, сердечного, так скрутило вчера поутру.

– А Поздняков, получается, со штатниками подружился, – наябедничал старлей.

– Дела... – с грустью усмехнулся полковник. – Самый настоящий хохляцкий партизанский отряд. С предателями. И даже еще круче.

Был он, что называется, в теме: в армию в ту великую вой-

ну не попал по возрасту, но все равно как следует повоевал. В партизанском отряде у Сабурова. С двенадцати мальчишеских лет. В разведке, конечно же.

– Дела. – Большаков качнул головой и тут же зашипел от боли. – Что делать-то будем?

– Отдохни часок-другой, – прозвучало в ответ. – А я схожу пообщаюсь с капитаном. По-свойски. Коллеги все-таки.

Глава шестнадцатая

– Ну, как ты?

– Уже лучше, – с умеренной бодростью отозвался Большаков.

К обеду боль действительно немного стихла, только голова слегка потрескивала, как тот арбуз, когда его проверяют на спелость.

– А раз так, давай работать.

– В смысле?

– Для начала обрисую тебе обстановку, как ее вижу. – Полковник с силой провел ладонями по нежно-землисто-го цвета лицу, отчего то на минуту порозовело. – Произошло ЧП: командир войсковой части подполковник Прохоров встал на путь предательства. Вступил, понимаешь, в контакт со спецслужбами ЮАР и выдал им схему охраны совершенно секретного военного объекта. За что получил вознаграждение в виде эксклюзивных, – произнес со смаком, – часов швейцарского производства стоимостью около ста пятидесяти тысяч долларов США.

– А...

– А сотрудник особого отдела капитан Поздняков морально ни разу не перерожден. Напротив, до последнего мгновения жизни был верен Родине и присяге. Это он, Коля, настоятельно посоветовал тебе внести изменения в охрану объ-

екта со стороны воды и не докладывать об этом подполковнику.

– Почему не докладывать?

– А подозревал он его в чем-то таком или просто не был на сто процентов уверен. – Вздохнул. – Вот такова официальная версия всего произошедшего. Понятно?

– В общем и целом, – кивнул Большаков. – Только почему до последнего мгновения? Разве с ним что-то произошло?

– Пока нет, но в самое ближайшее время... – Полковник тяжело вздохнул. – В общем, не убереем мы капитана. Погибнет, сердцем чувствую, причем страшно.

– А кто его? – обалдел старший лейтенант.

– Как это кто? Вы с Максимычем, – кивнул тот в сторону ловко управляющегося с изрядных размеров бутербродом как бы старшего лейтенанта. – А после, – достал из тумбочки Polaroid, очень похожий на тот, что был у сэра Бенедикта, – все хорошенько зафиксируете. Чтоб смотрелось.

– Разве так можно?

– Именно так и никак иначе. – Полковник попил водички. – Сам посуди, может ли быть такое, что и командир, и ответственный за контрразведывательное обеспечение сотрудник особого отдела вдруг взяли и одновременно продались оба со всеми потрохами иностранным разведкам? Причем разным. Лично я в такое верю с трудом. Именно поэтому ничего такого и не произошло.

– Совсем?

– Почти. – Помолчал. – Предательство имело место, но в одном только случае: со стороны подполковника Прохорова. В чем тот и признаётся, когда увидит, что произошло с героем-особистом.

– А иначе никак?

– Иначе, Коля, совсем никак. Потому что уверенность у нас в предательстве этой сладкой парочки имеется, а доказательства – хрен.

– А очная ставка?

– Его слово против твоего. Никитин твой, сам понимаешь, свидетелем не считается. Ничего твой прапор толком не разглядел, и показания его основываются исключительно на том, что Поздняков, – очень нехороший человек. Так что поверят, зуб даю, не тебе. И светит тебе, дружище, казенный дом, если чего не хуже, а Юру, вполне возможно, еще и наградят. За бдительность и отвагу.

– И что же делать? – Николаю сделалось по-настоящему грустно.

– То, что я сказал. С Поздняковым, как ты уже понял, каши не сваришь, поэтому давить надо на Прохорова. Колоть его до глубокой задницы, в противном случае в Союзе он от всего тут же отопрется. Парень крученный. И хлопотать за него начнут, есть кому.

– А с Поздняковым...

– Сделаете все, как надо. И нечего мне тут краснеть и стесняться, как семиклассница на сносках. Не было здесь преда-

телей среди сотрудников КГБ, и точка! Только героически павший на боевом посту капитан. И вообще тебя сюда прислали для защиты от врагов внешних, а нас с напарником – внутренних. Так что давай работать.

– Есть работать, – вздохнув, кивнул Большаков.

Глава семнадцатая

Полковник не ошибся. На допросе Прохоров повел себя так, как и следовало ожидать: глаза навывкат, морда ящиком. В общем, «ничо», типа, не знаю, служу честно, беспорочно, за отчизну любому пасть порву. Часы, что на руке, обнаружил, мамой клянусь, две недели назад в кустах, куда зашел побрызгать. Ни с какими юаровскими спецслужбами отродясь дел не имел. Да и, к стыду собственному, только что и с ваших слов узнал о существовании такой страны – Южно-Африканской Республики.

– Ну, на нет и суда не получится, – заметил проводящий допрос полковник. – Может, действительно ошибка вышла.

– Так, значит, я свободен? – воспарил душой невинно обвиненный.

– Можно и так сказать, – прозвучало в ответ, и подполковник расцвел лицом.

Впрочем, радость его была недолгой.

– Маленькая формальность. – На стол перед ним выложили несколько фотографий. – Узнаете?

– Нет. – Присмотрелся и побледнел. – В смысле, да. – По-краснел, как кумач. – Это Поздняков?

– Он самый, был.

– И кто это его так?

– Спецслужбы той самой ЮАР, о которой вы ни сном ни

духом. Покойный, как выяснилось, тесно с ними сотрудничал. Наказали за срыв задания и гибель своих боевых пловцов. – Полковник тоже бросил взгляд на фото и поежился. – Буры, они такие, – и опять углубился в бумаги. – Вы идите, Виктор Андреевич.

Через некоторое время поднял глаза и с удивлением обнаружил, что Прохоров так никуда и не ушел. Напротив, плотно сидел на стуле и даже руками за него держался.

– Что-то еще? Просьбы, пожелания? Еще раз повторяю: вы свободны.

Тут-то и начался цирк с пингвинами.

– Меня отзовут в Союз? – с надеждой спросил подполковник. – Можно начинать сдавать дела?

– Не вижу смысла.

– В таком случае требую охрану.

– Нецелесообразно. Идите уже.

– Не пойду.

– А вот сейчас не понял.

– Тут такое дело... – Подполковник осилил залпом стакан воды и деловито пустил слезу.

В общем, сдал все и всех: явки, пароли, задание, инструкции. И даже того орла, что так лихо меньше месяца назад его охомутал. Чернокожего владельца бара на окраине города. Резидента разведки ЮАР ко всему прочему. Как выяснилось чуть позже.

Такие вот дела.

А жизнь меж тем продолжалась. Якобы замполит вскоре отбыл в Союз, а фальшивый старлей на всякий случай остался. И опять превратился в тихого, крепко побитого жизнью неудачника. В часть вместо убитых офицеров вскоре прибыли новый командир, замполит и уполномоченный особого отдела. Достаточно вменяемые, на первый взгляд, мужики. Со временем, правда, выяснилось, что первое впечатление часто бывает обманчивым.

Сам Большаков, к собственному удивлению, за всю эту кампанию был удостоен высокой правительственной награды: Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ, чему совершенно не обрадовался. Впрочем, и не расстроился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.